

*Е. А. Сайко**

«ДЕРЕВЯННАЯ КНИГА» С. ПРОКОФЬЕВА В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР**

В статье «Деревянная книга» — альбом композитора Сергея Прокофьева, содержащий автографы знаменитых людей, сыгравших особую роль в его жизни, рассматривается в контексте диалога культур, в аспекте проблемы культуры воспоминания, а также с позиции современного отношения к книге. Автор уделяет особое внимание автобиографическим жанрам, подчеркивает их диалогическую природу, обращает внимание на уникальность замысла и дизайна «Деревянной книги». Представленные в статье цитаты из посланий «кавалеров «Деревянной книги» позволяют судить, сколь значим в ценностном измерении этот креативный проект С. С. Прокофьева для осмысления сложной и противоречивой эпохи начала XX века, особого периода в отечественной культуре и искусстве. Важным является и восприятие «Деревянной книги» современными читателями. В связи с этим автор статьи касается вопроса практик чтения.

Ключевые слова: С. Прокофьев, «Деревянная книга», диалог культур, российская культура, искусство, композитор, музыка, воспоминание, факсимильное издание, солнце

E. A. Saiko

“WOODEN BOOK” BY S. PROKOFIEV IN THE SPACE OF THE DIALOGUE OF CULTURES

In the article “Wooden book” — an album by the composer Sergei Prokofiev containing autographs of famous people who played a special role in his life, is considered in the context of the dialogue of cultures, in the aspect of the problem of the culture of memory, as well

* Сайко Елена Анатольевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры и искусства Исторического факультета, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН); главный научный сотрудник, ФГБУ науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук» (ФГБУН НИЦ «Наука» РАН) (Москва); sayko13@list.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00859 «Творчество С. Прокофьева как феномен отечественной и мировой культуры».

as from the perspective of modern attitudes to the book. The author pays special attention to autobiographical genres, emphasizes their dialogical nature, and pays attention to the uniqueness of the idea and design of the “Wooden book”. The quotes from the messages of the “Cavaliers of the Wooden book” presented in the article allow us to judge how significant this creative project by S. S. Prokofiev is in the value dimension for understanding the complex and contradictory era of the beginning of the XX century, a special period in Russian culture and art. The perception of the “Wooden book” by modern readers is also important. In this regard, the author of the article concerns the issue of reading practices.

Keyword: S. Prokofiev, “Wooden book”, dialogue of cultures, Russian culture, art, composer, music, memory, facsimile edition, sun.

Воспоминания — это своего рода исповедь, имеющая диалогическую природу. Подобный диалог в концепции М. М. Бахтина трактуется как «встреча глубинного с другим и другими (народом), как встреча я и другого на высшем уровне и в последней инстанции» [2, с. 319].

В этом смысле автопортрет «человека с биографией» отличается особой динамикой и полисемантикой, т. к. формирует, с аксиологической точки зрения, образ эпохи в контексте диалога культур и транслирует его в пространство культурной памяти, амбивалентной по своей сути. Рассуждая об этом, Ю. М. Лотман поясняет: «...она фиксирует правила (структуры) и нарушения правил (события)» [6, с. 806], что во многом определяет генезис биографии, порождаемой хроникой. Интересно, что в жанре автопортрета / автобиографии противоположности «тот, кто дает право иметь биографию, — тот, кто получает право иметь биографию» и «тот, кто имеет биографию, — тот, кто создает жизнеописание имеющего биографию» [6, с. 806] сходятся, но при этом сохраняется диалогичность высказывания.

Пример тому — «Дневники» (1907–1933) Сергея Сергеевича Прокофьева, в которых и личность композитора, и события, и современники представлены ярко, эмоционально, нетривиально, с неподражаемой интонацией автора и свойственными ему остротой восприятия, вниманием к деталям происходящего, особым ощущением темпоритма эпохи [7].

Литературный дар композитора, его ирония и самоирония, меткие характеристики «героев» — тех, кто входил в круг ближний и дальний, с какой-то кинематографической точностью воспроизводимые сцены из жизни — своей и чужой, выводят повествование Прокофьева, обладающего недюжинным талантом рассказчика [7; 8], за пределы субъективности, столь атрибутивной для дневника. При этом культура высказывания, которую С. С. Прокофьев демонстрирует по отношению ко времени «разлома», эпохе, лишаящей его и современников привычного бытия, полной драматизма, органична для него — гения, обладающего особым духоборческим видением и антиципацией, и удивительна, даже парадоксальна, для нас, живущих по сути в профанном, «лингвоциничном» языковом пространстве.

Стоит уточнить, что Сергей Сергеевич Прокофьев творит свою биографию скорее не в диалоге, а в полилоге культур. Очевидно, что в определенный момент времени композитору понадобился своего рода «медиатор»; в этом качестве выступает не журналист-интервьюер, а друзья, знакомые, коллеги по цеху — в России и за рубежом. Будучи героями «пьесы жизни» Прокофьева,

они призваны, согласно его драматургии, засвидетельствовать свое отношение / почтение / удивление / сомнение etc. — нет, не к композитору, — к Солнцу...

О своем замысле композитор рассказывает в «Дневнике» 2 марта 2016 г.:

Летом, сидя с Элеонорой в поезде на пути в Сестрорецк, мы сообразили, что если бы я собирал автографы великих и интересных людей, то я мог бы иметь замечательный альбом. Я решил, что одни фамилии или какие-нибудь изречения, из-за которых каждая знаменитость будет ломать голову — «Ах, что же ему, черт бы его драл, написать?» — отнюдь не интересна. А вот если бы их всех заставить ответить на один вопрос, это было бы замечательно, но какой вопрос? — изобретательность молчала. Так это заглохло. А теперь мне вопрос явился: что вы думаете о солнце? [7, с. 593]

Прокофьев тут же очертил круг респондентов — «кавалеров “Деревянной книги”»: «Автографы испрашиваются от знаменитых людей и от людей, играющих роль в моей жизни» [7, с. 593].

Уточним, что потребность Прокофьева в солнце / Солнце отражается даже в частоте употребления в «Дневниках» самого слова и его производных. Только в первом томе (1907–1918) композитор использует его 179 раз! И сетует: сколько же солнца отобрал у него Петроград...

Дизайн этой единственной в своем роде рукописной книги также был продуман композитором:

...она, сохрани Бог, не должна быть альбомом институтки, а в переплете из двух простых досок, с краешком из грубой черной кожи, пробитой простыми гвоздями, и с железной застежкой, такой, чтобы при прикосновении к которой руки непременно пахли металлом. Размер — рублевой бумажки. Сопоставление внешней грубости и драгоценности автографов привлекало пикантностью [7, с. 593].

Опасения композитора были не напрасны. Увидев готовую книгу, он заключил: «Это было не то, что я задумал, она была слишком элегантна, “мужик в шелковых чулках”, но была оригинальна и изящна, и главное — деревянная» [7, с. 593–594].

Вероятно, не существует такого автора, который не стремился бы сделать свою книгу уникальной. Р. Калассо, исследующий феномен «искусства издателя», считает, что в такой книге «сразу видно, что с автором что-то случилось и это что-то осело в тексте» [5, с. 7], и — парадоксально, но «уникальными были еще и книги, которые могли так и не стать книгами» [5, с. 8].

«Деревянная книга» — как раз из таких — уникальных. Это очевидно в ситуации, когда «мир переживает своего рода информационное упаковывание, которое уже стабилизировалось на стадии пароксизма. Его главный символ веры — немедленная доступность всего» [5, с. 43].

Известно, что оригинал «Деревянной книги» хранится в РГАЛИ. Но с 2009 г. искушенный читатель может приобрести ее факсимильное издание с приложением на четырех языках — русском, английском, французском, немецком. (Идея открыть «Деревянную книгу» широкой читательской аудитории, выпустить в свет ее факсимильное издание принадлежит Сергею Прокофьеву младшему — внуку композитора.) К слову, вряд ли какой-либо «девайс» спо-

собен передать своеобразие этой книги. Ее необходимо взять в руки, листать страницы аутентичным способом, наслаждаться посланиями и автографами (их оставили на память С. Прокофьеву *сорок восемь* «кавалеров» «Деревянной книги»), минуя, а точнее — игнорируя, экран планшета, ридера и т. п.

Традиционная практика чтения в этом случае — не пожелание, а предписание, если вы действительно хотите почувствовать образную палитру времени С. Прокофьева и услышать, как мыслит его эпоха, изменившая в целом мировоззрение общества, бросившая вызов творцу, обрекая его на поиски утраченного и перманентную «ревизию» пока призрачных обретений. Это состояние в своих мемуарах передает, исходя из символистских позиций, современник композитора Андрей Белый:

Есть узловые пункты, стягивающие противоречивые устремления, пересекающие отвлеченные порывы с конкретной биографией: в такие моменты кажется: ты — на вершине линии лет; перебой троп, по которым рыскал, сбиваясь с пути, вдруг являет единство многоразличия; что виделось противоречивым, звучит гармонично; и что разрезало, как ножницы, согласно сомкнулось в крепнущей воле [3, с. 31].

Подобные эмоции выражает и Константин Бальмонт:

Я чувствую, как высокое Солнце идет своим путем, далеким от моих маленьких дорог. Я знаю, что, если я верю в путь Солнца, тогда и мои маленькие дороги совпадают с этим великим путем. И не холод стынущего тела я слышу, а чувствую, как мысли мои полны цветных узорных голосов [1].

Сама идея С. С. Прокофьева «вопрошатель» о солнце и у солнца, породившая «Деревянную книгу», вероятно, изначально была навеяна творчеством К. Бальмонта, в котором доминирует образ Солнца, равно как и название цикла пьес «Мимолетности». Об этом композитор упоминает в «Дневнике» (1917):

Я довольно много играл на клавишине и пока исполнял 1-ю Сонату, Бальмонт написал мне в «Деревянную книгу» сонет, очень пышный экспромт, посвященный мне, которым я очень горжусь и который считаю украшением «Деревянной книги». Я играл «Мимолетности» и так как это название взято из стихов Бальмонта: В каждой мимолетности вижу я миры, / Полные изменчивой, радужной игры, — то я спрашивал, подходит ли оно сюда. Бальмонту очень нравились и пьесы, и название... [7, с. 666]

Вопрос о Солнце соотносим с вопросом о смысле жизни — именно так выглядят ответы тех, кто оставил автографы для С. Прокофьева. Среди них «много званых» и «немало избранных», так или иначе — от каламбура до изречений философского толка — обозначивших свое отношение к Солнцу, традиционно символизирующему в семиотике культуры и искусства жизнь, творчество, любовь, расцвет. Все это нашло свое отражение в «Деревянной книге». Даже неоднозначное отношение к новому в литературе и искусстве, ставшее в начале XX в. «повседневностью творчества», проецируется на ее страницы.

Вот и дирижер Сергей Кусевицкий не удержался — уколол поэтов и художников — Владимира Маяковского и Давида Бурлюка, ознакомившись с их

посланиями: «Футуристы своей пошлостью заземлили некоторые яркие лучи солнца, проникшие в Ваш альбом» [4, с. 150]. Впрочем, «перчатку бросил» В. Маяковский: «От вас, которые влюбленностью мокли / от которых в столетия слеза лилась / уйду я / солнце моноклем / Вставлю в широко растопыренный глаз!» [4, с. 146] (Облако в штанах). На фоне этой дискуссии примиряюще звучит послание композитора и критика Вячеслава Каратыгина: «Люблю резкие крайности: Жаркий луч солнца и холод снежных хлопьев / Строгий Бах и неистовый Прокофьев / Точный закон и чистые случайности / Сладкий мед и острый вкус перца — Вот друзья моего всеядного сердца» [4, с. 152].

Константин Бальмонт в послании, адресованному «ребенку богов, Прокофьеву», верен себе и жанру сонета: «С травинкой поиграв в вопросы и ответы / И в звук свой заронив приметы / В ночи играешь в мяч с серебряной Луной» [4, с. 140].

Солнце — это Прокофьев и его музыка — таков лейтмотив высказываний многих героев «Деревянной книги». В их числе — пианист Артур Рубинштейн: «Король-Солнце сказал: “Государство — это я”. А Вы, мой дорогой Прокофьев, могли бы сказать: Солнце — это я!» (Нью-Йорк, 1920 г.) [4, с. 190]. Каламбур в качестве приношения композитору оставил виолончелист Евсей Белоусов: «На солнце есть пятна / а от музыки Прокофьева можно спянуть» [4, с. 204].

Искренность и грусть, изящество и кокетство отличают «женские ответы». Так, с певицей Ниной Кошиц читатель «Деревянной книги» встречается дважды. Вначале в ноябре 1916 г., в диалоге с Р. Глиэром. «Нет жизни вне Солнца» — пишет композитор. «Верно!» — соглашается певица. Затем, в августе 1917 г., Н. Кошиц оставляет в книге еще один автограф: «Что делать, если одновременно светят 2 солнца? ... Да еще хочется, чтобы грело не старое, долговечное, а другое, молодое?» [4, с. 134]

Тэффи (писатель Надежда Бучинская), в свою очередь, утверждает: «Что ярче? Тоска о Солнце» [4, с. 136]. А художник Наталья Гончарова с ностальгией замечает: «Очень хорошее ласковое слово: солнышко ясное и, кажется, есть только по-русски. И люди солнечные в Европе есть, кажется, только русские» (Париж, 1920 г.) [4, с. 196], что тут же «иллюстрирует» художник Михаил Ларионов: «Я сам Солнце» [4, с. 198].

Свое и одновременно общепризнанное Солнце — у Анны Достоевской, почтившей вниманием «Деревянную книгу» в знак решения вопроса об авторских правах, связанных с оперой С. Прокофьева «Игрок»: «Солнце моей жизни — Федор Достоевский» (январь 1917 г.) [4, с. 130].

Вдумчивы и размерены «ходы» известных шахматистов: «В серые пасмурные дни тоскую, мечтаю о Нем. Когда вижу его, мир мятен. С мучительным наслаждением переживали дни затмения и опять ждем Его, чтобы не думать о Нем» (Александр Алехин) [4, с. 132]; «Солнце — это жизнь. Когда мы видим его — мы счастливы. Когда оно остается скрытым в облаках — уныние поселяется в нашем сердце (Хосе Рауль Капабланка) [4, с. 172].

«Ах, Солнце...!» [4, с. 112] — восклицает Николай Мясковский — композитор и друг Сергея Прокофьева. Можно ли высказаться точнее — в марте 1916-го, в Петрограде? Многое — трагическое, радостное, триумфальное... — еще впереди.

Вероятно, правы те, кто полагает, что в хороших книгах «дружеские тени рождаются естественно и неизбежно. Они подмигивают нам издалека, из пространств, которые все еще остаются безбрежными, в ожидании того, что их снова призовут в обычной форме читаемых страниц» [5, с. 31]. В «Деревянной книге», которой в марте 2021 г. исполнится 105 лет, угадываются четкие силуэты и звучат голоса тех, кто, будучи известными и гениальными, сделал столь много для отечественной и мировой культуры, оставались людьми — умеющими творить и любить, скорбять и радоваться...

Однако доступность «Деревянной книги» С. Прокофьева (ныне каждый при желании может купить факсимильное издание) все-таки эфемерна. Ведь чтобы услышать и увидеть ее героев, нужно познать целую эпоху и — понять: так что же для нас значит солнце?!

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальмонт К. Собр. соч. — Т. 6: Статьи, очерки, путевые заметки. — URL: <http://www.fb2epub.net/> (дата обращения: 12.09.2020).
2. Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 326–346.
3. Белый А. Начало века. — М.: В/О «Союзтеатр» СТД СССР, 1990.
4. Деревянная книга: Альбом Сергея Прокофьева. Факсимильное издание с параллельным текстом на рус., англ., фр., нем. языках. — СПб.: Вита Нова, 2009.
5. Калассо Р. Искусство издателя / пер. А. Дунаева. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
6. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 2005.
7. Прокофьев С. С. Дневник. — Paris: DIAKOM, 2002. — Т. 1: 1916–1918.
8. Прокофьев С. С. Рассказы. — М.: Творческая группа Самиздат, 2016.